

Брюс медленно пришел в себя, довольный тем, что ему не придется вставать в ближайшее время. Он потянулся и удивился, что его левая рука может свободно двигаться. Брюс приоткрыл глаз и не смог разглядеть маленькое тело на кровати. Обычно Матео сворачивался клубочком, завернувшись в свое голубое одеяло, но его одеяло лежало смятым и пустым. Быстрый визуальный осмотр показал мужчине, что дверь в ванную была открыта, так что ребенка там тоже не было.

Тогда он заметил, что в воздухе пахнет печеным хлебом. Он быстро поднялся на ноги и оставил на матрасе свое коричневое одеяло. По привычке он набросил на себя первую попавшуюся одежду, в результате чего на нем оказались коричневые брюки и темно-синяя рубашка-поло. Приведя себя в приличный вид, Брюс прошел на кухню и увидел Матео, который сидел, скрестив ноги, перед духовкой и пристально смотрел в нее. Мальчик был настолько сосредоточен, что, казалось, не заметил приближения Брюса. Брюс нахмурился: обычно мальчик уделял слишком много внимания своему окружению и слышал бы, как Брюс встал с кровати.

"Так что у нас в меню, Гордон Рамзи?" спросил Брюс, решив, что сегодня не время для грустных мыслей.

Матео вскочил и, казалось, слегка испугался Брюса в этот момент. Брюс вздохнул, в очередной раз проклиная психическое повреждение, которое нанесли ему родственники Матео. Однако он не стал об этом говорить и вместо этого опустился на колени. "Все в порядке, я не сержусь на тебя, я просто удивлен, что ты встал и готовишь, вот и все".

"Я думал испечь хлеб на завтрак", - пробормотал Матео.

"Это звучит как прекрасная идея, а что мы будем с ним есть? Я могу приготовить это для тебя, пока ты будешь следить за хлебом", - мягко сказал Брюс.

"Миссис Фигг, которая жила рядом со мной, рассказывала мне, что ее любимый бутерброд - с бананом и коричневым сахаром, и я подумал, что мы могли бы попробовать", - нерешительно сказал Матео.

"Звучит как забавный эксперимент, тогда я займусь бананами".

"Я уже положил немного сахара в хлеб, так что нам понадобится только масло", - сказал Матео, когда Брюс начал искать ингредиенты.

Через десять минут пара сидела за столом и завтракала, Матео счастливо ухмылялся, намазывая себе рот маслом, а Брюс пытался не рассмеяться над ребенком. Хлеб оказался на удивление вкусным, и Брюс не переставал удивляться, насколько Матео действительно умеет готовить, и было ли это природным талантом или его заставляли. Когда они закончили, Брюс помыл посуду, и пока Матео одевался, он пробрался в одну из сумок и вытащил несколько спрятанных предметов, чтобы положить их на стол, а затем сел с книгой и сделал вид, что ничего не замечает.

Матео появился через несколько минут, с розовым лицом и в своей любимой зеленой рубашке и случайных брюках, которые сегодня были белыми. Брюс краем глаза наблюдал, как мальчик увидел пакеты на столе и, казалось, был заинтригован ими, но не осмелился долго смотреть на них, не говоря уже о том, чтобы подойти поближе и изучить.

Мужчина все еще пытался понять, как тетя и дядя Матео, которые, казалось бы, избаловали своего ребенка, но обращались с Матео не лучше, чем с рабом. Брюс мог знать только одну сторону истории, но он очень сомневался, что Матео лжет. То, что Брюс видел травмы, с которыми он прибыл, служило веским доказательством того, что эта пара была ужасными опекунами.

Брюса беспокоила мысль о том, во что мог превратиться ребенок. Если бы Матео был в семье до достижения им совершеннолетия, то они либо создали бы идеального раба, обученного подчиняться любой их прихоти, либо породили бы психопата-убийцу.

Однако эта мысль была не из тех, которые следует проводить в такой веселый день, поэтому Брюс быстро отбросил ее и вернулся в комнату. Через пару минут после того, как Матео сидел на недавно приобретенном диване, рассеянно пиная ногами, Брюс уступил. Было очевидно, что ребенок не собирается подходить ближе к столу и посылкам, поэтому именно он, как взрослый, должен был заставить ребенка открыть их.

"Значит, ты не собираешься открывать свои подарки?" - спросил он, закрывая книгу.

"У меня есть подарки?" Лицо Матео представляло собой прекрасную смесь волнения и надежды, но в то же время было слегка омрачено подозрением.

"Как ты думаешь, для кого они?" Брюс указал на те, что лежали на столе.

"Я подумал, что они могут быть от ваших пациентов или вы купили их для себя", - пробормотал Матео.

"Это точно для вас", - воскликнул Брюс и подозвал Матео к себе.

Ребенок удивленно вскрикнул, когда Брюс поднял его и посадил на колено, чтобы он был немного выше и мог легко дотянуться до столешницы. Брюс протянул руку, взял пакеты и положил их в пределах досягаемости Матео.

"Извини, что они не более интересные и не завернуты в красочную упаковку", - нервно сказал Брюс, когда Матео осторожно потянулся за одним из них.

"Я не против, мне еще никогда не приходилось открывать подарки", - честно ответил Матео. "Дядя Вернон только в прошлом году кидал в меня носки".

И снова Брюсу пришлось заставить себя сохранять спокойствие и расслабленность, тем более что ребенок был так близко и, несомненно, уловил его напряженные мышцы. Однако Матео был больше увлечен скудной кучей подарков перед ним, чем заметил душевную борьбу, которую Брюс испытывал из-за своих неосторожных слов.

Ребенок, казалось, целую вечность наслаждался процессом разворачивания первой пары подарков, причем первый он открывал очень медленно и осторожно, чтобы не порвать коричневую бумагу. К последнему подарку он с ликованием разрывал бумагу, как и положено нормальному ребенку. Брюс получал огромное удовольствие, наблюдая за тем, как Матео развлекается, разрывая подарки, и ведет себя в соответствии со своим возрастом, а не как торжественный ребенок, каким он был большую часть времени.

Брюс был немного ограничен в выборе подарков для Матео в единственном небольшом магазине и на ближайшем рынке, но он старался изо всех сил. К счастью, Матео, казалось, был вне себя от радости, получив блокнот и множество разноцветных карандашей для рисования, все необходимые инструменты для обучения письму, небольшой рюкзак и тонкий кожаный браслет, такой же, как тот, что подарил Брюсу один из его первых пациентов.

Матео, казалось, был больше всего увлечен маленькой плюшевой игрушкой, которую нашел Брюс, - белой собачкой с черным ухом и повязкой на одном глазу, с носом из такого же мягкого черного материала. Брюс не был уверен, покупать ли ребенку игрушку или нет на случай, если он потеряет ее и расстроится, но, видя, как Матео радостно обнимает собаку, он был рад, что сделал это. Ребенок признался ему, что дома у него был игрушечный волк, по которому он очень скучал, но теперь он очень рад новой игрушке.

"Прости, что я ничего тебе не подарил", - пробормотал Матео, осознав этот факт.

"Ничего страшного, у тебя не было денег, чтобы купить что-нибудь. И ты здесь всего четыре дня. Но сегодня утром ты испек хлеб и приготовил завтрак, что было приятным сюрпризом", - сказал Брюс, пытаясь успокоить ребенка.

"Этого все равно недостаточно", - недовольно сказал Матео. Было совершенно очевидно, что ему объяснили ценность таких вещей, как игрушки и подарки, и важность зарабатывания денег.

"Тогда есть кое-что, что ты мог бы сделать для меня, если это сделает тебя счастливым", - Брюс не решался высказать свою идею.

"Что это?" настороженно спросил Матео, он уловил нерешительность Брюса и внимательно смотрел на него.

"Ну, если ты хочешь, а ты не обязан, если не хочешь, то, возможно, раз уж ты собираешься остаться со мной, может быть, ты подумаешь о том, чтобы называть меня папой? Ты не обязан, но если ты хочешь, то я не буду тебя за это отчитывать, и это поможет нам выглядеть более похожими на семью для всех остальных", - быстро затараторил Брюс, беспокоясь, что подумает

мальчик.

"Я не помню своего папу, но думаю, что сейчас ты был бы отличным папой для меня", - сказал Матео и обхватил руками шею Брюса, между которыми теперь была зажата игрушка в виде пушистой собачки.

Лицо Брюса расплылось в огромной улыбке, когда он обнял его в ответ, радуясь тому, что Рождество в кои-то веки становится прекрасным днем. Возможно, их обед и ужин не были чем-то особенным, но они с Матео провели весь день, наслаждаясь обществом друг друга. Взрослый язвительно заметил, что день в основном был заполнен уроками для Матео, но ребенок, похоже, не возражал. На самом деле именно вежливые просьбы Матео привели к тому, что Брюс показал ему, как делать штриховку и световые наброски своими новыми карандашами. Вечером Брюс разучил с ребенком несколько песен, которые он пел еще в Америке, а также пару колыбельных, которые он помнил.

Воспоминания Брюса о собственном отце были не слишком приятными, а у Матео не было достаточно времени, чтобы наладить отношения со своим биологическим отцом. В тот вечер, когда Матео прислонился к нему спиной и позволил Брюсу обхватить себя руками, Брюс решил, что позаботится о том, чтобы у них обоих остались более счастливые воспоминания. Сегодняшний день подарил ему два воспоминания, которыми, он был уверен, он будет дорожить еще многие десятилетия. Во-первых, это когда Матео впервые назвал его "папой" и крепко обнял.

Во-вторых, это воспоминание об их вечере, когда они вместе лежали на диване и пели колядки и колыбельные. Матео быстро подхватил мелодию, и даже если он не помнил слов, то напевал их в унисон с глубоким голосом Брюса. Матео не сразу уснул, слушая, как его приемный отец поет более сложную колыбельную.

Когда Брюс понял, что Матео погрузился в сон, он осторожно взял крошечного ребенка на руки и отнес его в кровать, не забыв по пути прихватить мягкую игрушку с дивана.

Альбус Дамблдор сидел за большим столом и празднично играл со своей едой. Все сотрудники сидели за одним столом с учениками, так как их количество могло заполнить только один стол дома. Голоса смешивались в приятное фоновое бормотание, перемежающееся смехом и стуком столовых приборов по металлическим тарелкам. Даже большинство сотрудников были более разговорчивы, чем обычно, поскольку наслаждались этим днем и непринужденной атмосферой. Северус был как всегда покоен, но никто не обращал на него внимания. Однако молчание Дамблдора привлекло внимание.

Студенты с удовольствием тянули крекеры и поглощали пиршество, пока с заколдованного потолка падал искусственный снег. Обычно Альбус присоединялся к ним и надевал самую нелепую шляпу, которую только мог найти из крекеров, но в этом году отсутствие его обычной радости было заметно и привлекло обеспокоенные взгляды некоторых сотрудников.

"С тобой все в порядке, Альбус? Ты сегодня какой-то мрачный", - тихо спросила Минерва

МакГонагалл.

"Я в полном порядке, моя дорогая, просто сейчас немного озабочен", - ответил Альбус с улыбкой.

"Мы можем вам чем-нибудь помочь? Фадж снова достает?" предположила Минерва.

"Немного, этому человеку нужно научиться стоять на собственных ногах", - быстро оправдывался Альбус.

"Ну, постарайся забыть о нем на день, ты обычно обожаешь Рождество", - заметила Минерва.

"Я постараюсь", - кивнул Альбус и последовал ее совету, отбросив свои переживания о Гарри Поттере на задний план и присоединившись к празднику.

Однако в конце вечера, когда Альбус снова остался один в своем кабинете, он не мог не вернуться мыслями к загадочному делу об исчезновении ребенка.

Последние четыре дня Альбус тайком проверял все ближайшие к Дурслям учреждения на предмет сообщений о пропаже ребенка. Заканчивая расспрашивать маглов, он легко забывал о них, и уже не в первый раз был благодарен за то, что его действия не привлекли внимания Министерства магии.

Он был совершенно обескуражен действиями Гарри, правда, Дурслеи были суровы к нему, но Альбус рассчитывал на это. Любое преимущество, которое могло помочь выиграть войну против Волдеморта, должно было быть использовано во имя всеобщего блага.

Если ребенка не удастся быстро переместить, Альбус опасался, что все годы его планирования окажутся напрасными. Поэтому он поклялся продолжать поиски, пока Гарри не выздоровеет и не вернется к Дурслям.

<http://tl.rulate.ru/book/92386/2975861>